Цѣна 1 Германскій 200 милліардовъ мар.
Preis in Deutschland 200 Milliarden Mark.

Wolf & Co. Frag Insérat Kronprz. Nadelwaren Fabrik

ВРЕМЯ

„Wremja"

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Gebr. Barenholz GBH производство вязальная шерсть хлопчатобумажныя издѣлія Berlin SW 19. Wallstr. 11-12

Редакція газеты „Время" в Берлинѣ — Berlin W 8, Kronen Strasse 4/5. Телефонъ: Merkur 4540 и 4541

Подписная цѣна в Германіи 1 золотая марка в мѣсяц. Цѣна об'явленій: Послѣ текста 20 пфеннигов зол. за милим., в текстѣ 60 пфеннигов зол. за милиметр. Рукописи без обозначенія условій считаются безплатными. — Редакція не обязана возвращать лишних рукописей. — Редактор принимает ежедневно от 12—1 ч. дня.

Пріем подписки и об'явленій в конторѣ издательства Berlin W 8, Kronenstr. 4—5. Телефон: Merkur 4540 и 4541.

№ 288 | Берлин, Понедѣльник 28 января 1924 г. | Год изданія VI

Кончина В. И. Ленина.

Политическому обозрѣвателю приходится дважды поминать В. И. Ульянова-Ленина. Фактически верховный правитель Россіи перестал им быть еще год тому назад, когда болѣзнь его приняла явно неблагопріятный для его жизни оборот.

О личности покойнаго диктатора, и его значеніи в предѣлах русской революціи и государственности, придется вынести заключительный приговор лишь послѣдующим поколѣніям.

Не выяснена окончательно и понынѣ напр. личность и значеніе Робеспьера в предѣлах революціи французской. Всѣ сужденія о Ленинѣ, всѣ выводы из его революціонной и правящей дѣятельности, в настоящій момент могут носить лишь характер временной и неполной оцѣнки, к которой придется возвращаться в ближайшіе недѣли и мѣсяцы, когда борьба за замѣщеніе Ленина в предѣлах созданной им системы займет центральное мѣсто в средѣ его бывших сотрудников и — противников.

Что такая борьба разовьется — в этом не может быть сомнѣнія. Вѣрнѣе говоря — продолженіе этой борьбы. Ибо не может быть сомнѣнія, что политический момент поднявшій Ленина на гребни волн русской революціи и его пониманіе русской жизни — одно, развитіе-же этой жизни оказалось совсѣм иным. Между идеями освобождающаго Россію и Человѣчество коммунизма, своеобразно и в корнѣ невѣрно истолкованнаго Маркса, и нынѣшним состояніем Россіи, на исходѣ седьмого года Ленинизма — ничего общаго нѣт, несмотря на логическую послѣдовательность, связывающую своеобразную націонализацію с весьма не оригинальным Нэп'ом.

Наш — этот період накопленія совпадающій с заключительной эпохой всеобщей матеріальной и духовно-культурной пролетаризаціи, полученной Россіей в наслѣдство от самодержавія и большевизма — является нынѣ дѣйствительным замѣстителем Ленина. Со смертью диктатора и связанным с этой смертью престижем знаменосца — дѣйствительным преемником станет исключительно капитал. Отнынѣ капиталист и буржуй имѣет возможность сбросить маскарадный костюм и совершенно открыто сжечь красный флаг, стыдливо прикрывавшій буржуазную контрабанду.

Споры в средѣ коммунистической партіи, представляющей собою в настоящее время лишь общество взаимнаго обезпеченія сохраненія политической власти в Россіи, в результатѣ смерти Ленина, особаго интереса не представляют. Вѣроятнѣе всего, что разложеніе в коммунистической семьѣ, начавшееся с момента политической смерти вождя, пойдет болѣе быстрым путем послѣ смерти физической. Не менѣе вѣроятно и то, что «хозяйственники» в партіи и примазавшіеся к ней не сочтут необходимым «хранить свое лицо» и впредь, и темп экономической политики окажется болѣе ускоренным. Конечно, в смыслѣ созданія возможности приложенія частной иниціативы и капитала, расширенія области внѣшней торговли и привлеченія иностраннаго капитала к дѣлу возстановленія хозяйственной жизни страны.

Нечего терять слов по поводу того, что все это означает період борьбы за ликвидацію всего, что по недоразумѣнію называлось российским коммунизмом. Борьба эта будет болѣе жестокой, но вмѣстѣ с тѣм и болѣе результатной уж потому, что борющимся в Кремлѣ группам не придется оглядываться на Ленина, имя котораго всегда сдерживало бойцов враждовавших друг с другом и поощряло их в момент борьбы с т. н. контрреволюціонерами, саботажниками, буржуями и соціал-предателями. Общественно-политическіе результаты этой борьбы, что касается Россіи, получатся тѣ-же, что были бы и при Ленинѣ, с той разницей, что они наступят немного быстрѣе. Физическая смерть диктатора перваго періода большевизма принципіально ничего не измѣняет. Для сужденія о том, был-ли он великим организатором, принесшим Россіи великое благо или великое зло, был-ли он только великим разрушителем и тормазом для свободнаго развитія нашей родины — нашему поколѣнію недостает об'ективности. Великій народ, смѣем думать, выйдет на настоящій путь своего государственнаго творчества, и против Ленина, и без Ленина.

Министр Штреземан и иностранные журналисты.

В субботу 19 января управляющій отдѣлом печати германскаго правительства д-р Спикер пригласил к себѣ «на кружку пива» находящихся в Берлинѣ иностранных журналистов. В бывшем дворцѣ гогенцоллернскаго принца, занимаемом нынѣ отдѣлом печати собралось свыше ста представителей международной печати и больших телеграфных агентств. На вечерѣ присутствовали также рейхсканцлер и всѣ министры кабинета д-ра Маркса, выдающіеся представители нѣмецкой печати, прибывшій из Парижа уполномоченный в дѣлах фон Гэш и другіе выдающіеся политическіе дѣятели. Послѣ краткаго привѣтственнаго слова, произнесеннаго д-ром Спикером, министр иностранных дѣл Штреземан обратился к присутствующим с рѣчью, обнаружившей большой темперамент и посвященной по преимуществу отвѣту на послѣднее выступленіе Пуанкаре в палатѣ депутатов, а также на французскую ноту по вопросу об установленіи извѣстнаго модуса в рейнской и рурской областях.

Министр обратился с призывом к иностранным журналистам обслѣдовать дѣйствительное положеніе в оккупированных областях и в частности ознакомиться с т. н. сепаратистским движеніем в Палатинатѣ. Обращаясь к упрекам Пуанкаре по поводу Германіи, Штреземан с цифрами опроверг утвержденіе, будто Германія пользуется нѣкоторыми обязательствами возложенными на нее версальским договором с тѣм, чтобы завоевать извѣстное положеніе на международном рынкѣ, и притом во вред Франціи. Снова Штреземан весьма опредѣленно и темпераментно повторил высказанную им уже мысль о том, что Германія в дѣлѣ финансовых платежей и поставок натурой не только готова пойти до крайних предѣлов своей платежеспособности, но и сознает свою обязанность в этом, раз так или иначе мирный договор ею был подписан. Вмѣстѣ с тѣм он энергично протестует против всяких нарушеній германскаго суверенитета и против всякаго вмѣшательства в устройство внутренних германских дѣл, в частности-же против попыток опредѣлить извнѣ принадлежность германских территорій к тому или иному государству.

Не надо забывать говорит Штреземан, что версальскій договор возлагает на нас обязательства, признаваемыя нами несмотря на всю их тяжесть. Но вмѣстѣ с тѣм договор этот гарантирует нам извѣстные права, и мы вправѣ требовать, чтобы эти права были соблюдены нашими контрагентами. Договор оставляет Германіи опредѣленныя границы и внутри этих границ хозяевами должны оставаться только мы.

Особенно темпераментно д-р Штреземан выступил против упрека Пуанкаре заключавшагося в том, что Германія стремится установить свою администрацію в рейнской и рурской областях. Само собою разумѣется, это так, говорит министр, и иначе оно быть не может. Версальскій договор признал за нами право владѣнія этими областями и право управленія ими. Естественно, что мы стремимся к возстановленію этого права, впрочем никѣм не оспариваемаго. Совершенно непонятно, как г. Пуанкаре из осуществленія этого права нам может дѣлать упрек.

Рѣчь Штреземана была выслушана с глубоким вниманіем всѣми присутствующими. Особенное значеніе ей было придано тѣм обстоятельством, что она была произнесена немедленно послѣ пріѣзда г. фон Гэша из Парижа и непосредственно послѣ устнаго доклада сдѣланнаго послѣднім министру иностранных дѣл.

В. Назимов.

Пріятіе свободы.

В русской эмигрантской печати обсуждается в настоящее время тема о признаніи совѣтскаго правительства со стороны иностранных государств. Вмѣстѣ с тѣм русскую эмиграцію начинает волновать теоретически вопрос, практически повидимому рѣшенный ею в опредѣленно отрицательном смыслѣ. Вопрос этот о пріятіи русской интеллигенціей русской революціи. В результатѣ рѣшенія этого вопроса мы могли бы стать свидѣтелями возникновенія чего то вродѣ лояльной оппозиціи или оппозиціи Его Величества Совѣтскаго Правительства.

Вопрос о пріятіи или непріятіи революціи, т. е. практически и реально говоря Совѣтскаго Правительства, чрезвычайно трудно разрѣшим несмотря на присущую ему элементарность конструкціи. Совершенно правильно одним из оппонентов на докладѣ Е. Д. Кусковой было указано, что прежде чѣм приступить к рѣшенію этого вопроса, надо столковаться во-первых, кого и что слѣдует пріять или непріять, кто должен это пріять, и что такое в концѣ концов понимается под таким пріятіем. И прежде чѣм мы столкуемся о предметѣ нашего спора, о суб'ектѣ его и об об'ектах, пройдет столько времени, что спор потеряет, может быть, всякое практическое значеніе.

Как раз в настоящее время происходит в Англіи смѣна правительства и к власти призывается там впервые рабочій класс. Этот факт имѣет столь глубокое значеніе, послѣдствія его для Англіи, а может быть и для всего цивилизованнаго міра так велики, что мы стоим лицом к лицу с революціей, проводимой необычным путем, но преслѣдующей тѣ же соціальныя и политическія цѣли, которыя воодушевляли неоднократно революціонеров, на практикѣ не пошедших дальше тѣх реформ, которыя включены в программу Мак-Дональда. Это переворот проводимый только иными, болѣе мирными средствами, если можно так выразиться перефразировав извѣстное выраженіе ученаго полководца. Вопрос о пріятіи или непріятіи этой революціи англійской интеллигенціей там не возникает и, по существу, возникнуть не может. Дѣло тут не в методѣ этой революціи. И здѣсь массы приведены в движеніе, и здѣсь массы эти преслѣдуют цѣли освободительныя и тѣм не менѣе эта революція пріемлется интеллигенціей. Пріемлет ее само собою та интеллигенція, общественно-политическіе идеалы которой должны осуществиться путем появленія у власти рабочаго правительства. Но вмѣстѣ с тѣм она пріемлется и оппозиціей. Что касается послѣдней, то не может быть и рѣчи о том, что в силу своей оппозиціонности побѣжденныя партіи и классы принципіально станут чинить препятствія новому призванному к правленію кабинету только потому, что программа и идеалы послѣдняго не раздѣляются ими. Мало того, большая часть консервативной и либеральной партіи сознает, что время созрѣло для иных общественно-политических задач и методов. Имѣются даже очень стойкіе консерваторы, утверждающіе, что кабинет Балдвина был послѣдним в исторіи Англіи консервативным правительством, и что надо примириться со случившимся и приспособиться к новому, поддерживать это новое поскольку оно совмѣстимо с интересами Англіи. Надо склониться перед ясно выраженной в Англіи народной волей, перед проявленіем этой воли, достигнутой демократическим путем и проводимой в жизнь исключительно свободным творчеством англійской націи. Не перед диктатурой класса, а перед волей народа склоняются побѣжденныя партіи и побѣда рабочаго класса не есть призыв к насилію и уничтоженію свобод, а к расширенію свобод и прав англичанина.

«Вопрос о пріятіи или непріятіи революціи поэтому в Англіи совершенно теряет свою остроту. Он перестает даже быть вопросом. Если мы наблюдаем то, что происходит сейчас в Англіи и сопоставим все это с вопросами тревожащими русскую интеллигенцію в эмиграціи и на родинѣ, то причины «непріятія» русской революціи ея бывшими и даже настоящими сторонниками, а тѣм болѣе и противниками, становятся совершенно очевидными. Дѣло не в революціи и ея пріятіи, а в непріятіи контрреволюціи. Дѣло не в том, что правят совѣты фактически или фиктивно, а в том, что революціонеры вчерашняго дня видят себя обманутыми в своих чаяніях достиженія народной воли иными «революціонерами» игнорирующими права гражданина и націи. Может быть о непріятіи революціи и приходится говорить в предѣлах русской дѣйствительности. Но тогда причину «непріятія» слѣдует искать в станѣ тѣх, кто из свободы «сдѣлал игрушку лицемѣрія, а из вольности орудіе палача».

В. Назимов.

Робур.

Курица и орел.

Знатоки Толстого (очень прошу не смѣшивать ни с толстововѣдами, которые у нас еще не народились, ни с толстовцами, которые, кажется, совсѣм перевелись в Россіи) зададут мнѣ, пожалуй, вопрос, в каком публицистическом или беллетристическом произведеніи Толстого можно найти приведенныя мною в прошлом номерѣ «Времени» слова: «только курицу можно держать в руках, но не орла и не свободное слово...» Я спѣшу отвѣтить на этот вопрос, тѣм болѣе что именно это характерное выраженіе великаго яснополянца сейчас имѣет самый злободневный характер.

Было это в 1905 году. Толстого посѣтил один врач из Тулы, иногда пріѣзжавшій к Толстому спеціально чтобы сыграть с ним в шахматы. За столом у Толстого шла оживленная бесѣда, много спорили по поводу тогдашних событій, в центрѣ стояло освободительное движеніе, с выставленными им требованіями свободы слова и т. д. Толстой настаивал, что по существу бессмысленно требовать свободы слова, ибо слово не может быть несвободным по самой природѣ своей. Тогда же он привел притчу о мальчикѣ, который держал курицу в руках, но называл ее, хвастаясь перед матерью, орлом.

«Глупый мальчик», — закончил Толстой: «курицу можно держать в руках, но не орла. А человѣческое слово — тот же орел». Цитирую, конечно, на память, со слов упомянутаго тульск. врача, человѣка высокоинтеллигентнаго, — газеты же, в которой я тогда передал эту притчу Толстого, я под рукой не имѣю. Да не в цитатѣ дѣло, а в том, что Толстой правильно иронизировал над тѣми, кто во главѣ требованій освободительнаго движенія ставил свободу слова, как будто по самому существу своему слово не было вполнѣ и безгранично свободно. Надо только разграничить два понятія: слово и печатное слово...

Нужно ли доказывать, что даже в царской Россіи, гдѣ печатное слово при всѣх условіях и смѣнявшихся теченіях сильно преслѣдовалось, настоящее слово, свободное слово всегда жило и крѣпло, и развивалось и совершало свой орлиный полет? От Екатерины II, под эгидой которой у нас печатное слово стало укрѣпляться, и до Николая II, в царствованіе котораго наша печать впервые была раскрѣпощена, могучее слово, правдивое слово, вырвавшееся из груди слово, даже наболѣвшее слово и невысказанное слово было подобно орлу, коему не страшны ни топи болот, ни выси гор.

Нас учили в школѣ, что мудрость Екатерины позволяла ей переписываться с Вольтером, и мы не мало умилялись, вмѣстѣ с Иловайским, эпохѣ просвѣщеннаго деспотизма. Но Екатерина не спѣшила ни привить русскому народу идеи Фернейскаго мудреца, ни просочить русскую затхлую общественность ѣдкой ироніей великаго автора Кандида. Наоборот, над Россіей повис грозный окрик: «Фельдфебеля в Вольтеры дам». И что же, хотя Россіей правило столько же столоначальников, сколько фельдфебелей, свободное слово Вольтера глубоко проникло в русскіе образованные круги и даже создало особый род вольтеріанства, как духовнаго бунта против дѣйствительности.

Скольким испытаніям подвергался Радищев, сколько гоненій было воздвигнуто на его безсмертное «Путешествіе». Но слово Радищева, обличающее и будящее, было именно тѣм свободным орлом, котораго не схватишь ни мальчишескими, ни даже фельдфебельскими руками. Развѣ всѣ гоненія из за которых страдал человѣк Пушкин, заткнули хотя бы на мгновеніе его орлиный рот, затуманили его орлиный взор? И развѣ в тот же день, когда Пушкин, поэт-орел, пал невольником своей человѣчески-слабой чести, не вырос и не оперился молодой орленок? Поручика Лермонтова Николай I мог сослать на Кавказ, но орлиный зов поэта в стихах: «Погиб поэт...» не мог быть выжжен из сердец русскаго общества.

Наше сердце обливается кровью, когда мы читаем, как был замучен юноша-поэт Полежаев. Но фельдфебели царя потому и мучили его, что его свободное, поэтическое, а потому проникавшее в души слово рѣяло над всей Россіей. Чаадаева Николай I. приказал об'явить сумасшедшим, не тѣ пророческія слова его, которыя Герцен так прекрасно назвал «криком в ночи», блеснули молніей над орлиной частью Россіи. Таких примѣров можно привести множество. Вспомните Бѣлинскаго и его кружок, проведите линію от Писарева и Добролюбова, через Чернышевскаго и Некрасова, вплоть до наших дней, когда никакія цензурныя путы не могли сдержать напора живого, свободнаго слова.

Вы спросите, почему притча Толстого о курицѣ и орлѣ имѣет сейчас злободневный характер? Потому что вся наша эмигрантская печать, на этот раз не только безсознательно, но и сознательно, с злым умыслом, смѣшивает печатное слово с человѣческим словом. Не будем повторять старых, жеванных и пережеванных истин о свободѣ мнѣнія, убѣжденій, печати и т. д. Мы не маленькія дѣти, и мы уже ушли дальше этой политической азбуки. Большевики преслѣдуют и душат всякое печатное слово, исходящее от буржуазіи или написанное интеллигентами, — но вѣдь свободнаго слова не задушить! Дважды два по Марксу может быть согласно большевистск. толкованію и пять и даже шесть, но даже Дзержинскому не превратить орла в курицу.

Мнѣ поэтому думается, что если интеллигентское слово или, если хотите: эмигрантское слово не пробило толщи русских сердец, то это не потому, что в Россіи запрещена буржуазная печать, не пропускаются эмигрантскія газеты и т. д. Причина лежит, повидимому, в том, что эмигрантскій язык не есть тот глагол, который жжет сердца, не есть тот орел, которому открыты всѣ выси и горизонты. Не в том бѣда, что передовицы «Руля», полемика эс-деков и эс-эров и монархическія бредни «Новаго Времени» не проходят в Россію, а в том суть, что все это только лишь куриный взмах и орлов среди нас, с орлиным клекотом-словом все еще нѣт...

Робур.

СОДЕРЖАНІЕ.

Кончина В. И. Ленина. В. Назимов
Пріятіе свободы. Робур: Курица и орел. Е. Шкляр: Стихотвореніе. Жак Нуар: „Когда любовь умирает". Ив. Коноплин: Димитрій.
ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛ.

Deutsch-Litauische Bank für Handel und Industrie A.-G.
Berlin • Eydtkuhnen
Германско-Литовскій Торгово-Промышленный Банкъ
Берлинъ • Эйдткуненъ
Behrenstrasse 27 • Luisenstrasse 31b (собств. домъ) • Hardenbergstrasse 19
Производитъ всѣ банковыя, биржевыя и торговыя операціи
въ особенности финансированіе и выдачу ссудъ подъ товары для возстановленія и облегченія торговыхъ сношеній съ окраинными государствами и Россіей.
Адресъ для телегр.: Tamstabank Berlin. Телефонъ: Norden 52-53, Merkur 5499, Steinplatz 823-24, 8811.
Lietuvos Prekybos ir Pramones Bankas
Литовскій Торгово-Промышленный Банкъ
Ковно
Отдѣленія въ Либавѣ, Мемелѣ, Кибартахъ, Шавляхъ, Маріамполѣ и во всѣхъ торговопромышленныхъ пунктахъ Литвы.

ОБЗОР ПЕЧАТИ.

Вся зарубежная печать занята вопросом о предстоящем признаніи иностранными государствами совѣтской власти в Россіи. Уже одно то, что дискуссія по этому вопросу развернулась очень широко и захватила всѣх видных общественных и политических дѣятелей, пожелавших высказать свое мнѣніе доказывает, что вопрос о признаніи большевиков имѣет для разрѣшенія судеб Россіи чрезвычайную важность. Открывшій дискуссій в «Днях» С. Прокопович находит, что послѣ признанія совѣтской власти:

> Мы будем имѣть в Россіи иностранцев, пользующихся всею полнотою хозяйственных прав, и туземцев (т. е. русских) этих прав лишенных.
>
> ... Россія дѣйствительно превратится в колонію европейских государств.

Совершенно противоположнаго взгляда А. Изюмов; для него признаніе это:

> «... первая дата національнаго и хозяйственнаго, а может быть и политическаго возрожденія страны».

ибо он разсчитывает на неизбѣжную эволюцію в рядах коммунистов.

А. Беркенгейм не боится превращенія Россіи в колонію, ибо для этого у иностранцев нѣт средств; за предоставленіем прав иностранцам последует предоставленіе таковых же прав и для русских, иначе и быть и не может.

> А в своих собственных дѣлах справятся сами русскіе. Трудно, мучительно надрывно, но все образуется...

М. Ландау-Алданов спрашивает:

> Какую позицію займут сторонники признанія совѣтск. власти в том случаѣ, если жизнью будет практически поставлен вопрос о передачѣ большевицкому правительству русских денег заграницей и об устройствѣ для него иностраннаго займа?

при этом напоминает, что лѣт 20 назад русскими политическими дѣятелями были сдѣланы попытки помѣшать во Франціи устройству займа самодержавнаго правительства и нѣкоторые из нынѣшних сторонников признанія совѣтской власти в ту пору сочувствовали этой попыткѣ.

«Руль» пессимистически относится к вопросу о признаніи а в дискуссіи видит даже вред, ибо она

> врад ли может способствовать проясненію и кристаллизаціи бѣженскаго общественнаго мнѣнія. В чистом же практическом отношеніи она скорѣе послужит для иностранных держав толчком к увеличивающему их теперь рѣшенію вопроса в положительном смыслѣ. Ибо поскольку эти державы еще прислушиваются к мнѣнію эмиграціи,